

От Остина и Бурдьё - к логике молекулярных перформативов

Тодор Петков*

ПЛОВДИВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ, БОЛГАРИЯ

Эксплицитное эмпирическое исследование практической логики начинается с анализа коммуникативных актов, проведенного "социологом" Пьером Бурдьё, который прямо говорит о практической логике, и "философом" Джоном Остином, который, не объявляя себя логиком или социологом, проводит парафилозофские и паралингвистические исследования своего родного языка и жизненной среды с ее обычаями и институциями (см. Petkov, 1998).

Как представитель философии обыденного языка, Джон Остин полагает, что критический анализ высказываний в обыденном языке приведет к появлению новой науки, являющейся неким симбиозом философии и лингвистики. Осознавая мультидисциплинарный характер своего исследования, Остин стремится отмежевать его от философии и логики как установленных, рутинизированных и замкнутых в себе дисциплин. Так он противопоставляет себя (Остин, 1996) "одержимым логикам", с уважением считается с "грамматиками" (признавая свою недостаточную компетентность в их области) и с дружеским снисхождением вслушивается в догадки юристов. Хотя исследование Остина и находится вне центральной проблематики философии, оно представляет собой работу, проведенную именно философом, который принимает решение разрешить данную проблему с надеждой, что ее решение определенно будет иметь приложение в философии, понимаемой в традиционном ключе, и, может быть, даже в ее центральной проблематике. Говоря конкретно о логике, Остин имеет в виду сложившуюся к его времени науку логики философов, а когда он противопоставляет себя этой дисциплине, он имеет в виду не тех, кто совершил "революцию в философии" (очевидно, аналитических философов - (Остин, 1996. С.15), а, скорее, самый способ мышления, ограниченный классической логикой, - даже когда она разрабатывает новые области.

* E-mail: kx_ch@cserv.mgu.bg

В исследовании типов высказываний, которые не являются суждениями о фактах, Остин на самом деле принимает неблагодарную задачу анализировать логически неосознанную обыденность и извлекать логическую форму из практики людей, употребляющих эту форму. Через тематику перформативных высказываний Остин приходит к проблемам и дефинициям, которые очерчивают поле некоей, так сказать, "металогики" - "мета" по отношению к существующей до тех пор философской логики, которая, кажется, является частью этого проблемного поля. Основная категория, относящаяся ко всем под-областям этого поля - как к классической логике истинности и неистинности, так и к перформативам Остина - это *недопустимость* определенного высказывания или акта. Неистинность является разновидностью этой недопустимости наряду с незначимостью, неискренностью, неуспешностью, несоблюдением и т. д. Для всех высказываний и актов есть условия допустимости (значимости, истинности и т. д., сообразно их типу), представляющие собой широкую гамму самых разнообразных требований - от требования, чтобы определенная вещь существовала (требование, характерное далеко не только для истинных суждений в логике) до настроения и душевного состояния высказывающего. Остин открывает условия допустимости, отмечая появление чувства недопустимости (outrage) при нарушении этих условий. Посредством исследования различных вариантов чувства недопустимости он указывает на различия между логическими (в смысле более широкого проблемного поля) пара-импликативными операциями "влечет", "подразумевает" и "предполагает" (см. (Остин, 1996. С.51-54)) - так, как они употребляются его соотечественниками (не утверждая, что английский язык является единственным носителем этих операций и их значений, я скорее принял бы, что таким носителем является целостный контекст, в котором англичане осуществляют свои ритуальные или конвенциональные акты).

В этом смысле Остин - модальный логик, но весьма особенного типа. Он показывает, что классы перформативов не являются грамматическими категориями, но и не относит их к логическими, потому что они вообще не допущены в логическое мышление, настроенное по-классически: перформативы не являются высказываниями о фактах. Фактически он полагает начало логики "конвенциональных или ритуальных актов" и действует именно как философ и как логик, решая, что для выяснения значения употребления перформативов нужно составить "в идеальном случае полный список тех иллокутивных актов, отдельные образцы которых - похвала, оценка и т. д., - пока мы не установим, сколько есть таких актов и каковы их отношения и взаимосвязи."

Эксплицитно, однако, Остин ставит в центр своего исследования критерий не просто недопустимости, а успешности или неуспешности речевых актов - на место истинности и неистинности пропозиций в классической логике, которые он причисляет к актам констативного типа (и между прочим устанавливает, что они также являются особым видом перформативов). "Как общее правило, наряду с произнесением слов так называемого перформатива, большое число других вещей должны быть правильными и протекать правильно, чтобы можно было сказать, что мы успешно исполнили наше действие. Мы можем установить, каковы они, посредством рассмотрения и классифицирования случаев, в которых что-то *не в порядке*, и самое действие - бракосочетание, пари, завещание, крещение и др. - по этой причине хотя бы отчасти неуспешно: в таких случаях мы можем сказать, что высказывание в самом деле не истинно, а в общем случае - неуспешно. На этом основании мы называем

теорию вещей, которые могут быть не в порядке или быть неправильными в случае таких высказываний, теорией *неуспешностей*" (Остин, 1996. С.24). Это исследование приводит его к пониманию, что "мы не можем останавливаться только на соответствующей пропозиции (что бы она собой ни представляла), как это делают традиционно. Нужно рассмотреть целостную ситуацию, в которой производится высказывание - целостный речевой акт, - если мы хотим увидеть соответствие между суждениями и перформативными высказываниями и понять, как те и другие могут быть неправильными" (Остин, 1996. С.54-55).

В этом смысле представленная здесь трактовка Остина как исследователя, расширяющего поле зрения логиков, не имеет прямого соответствия с представлениями самого Остина о себе как исследователе языка как такового. Под влиянием его собственных характеристик, труды Остина зачастую воспринимают как именно «теорию неуспешностей». Это, впрочем, дает возможность акцентировать социологические аспекты проблемы коммуникативных актов. Пьер Бурдьё, в целом относящийся весьма позитивно к открытиям Остина, вместе с тем указывает на отсутствие выходов в социологическую проблематику, прежде всего у последователей и учеников Остина, которые не исследуют "целостную ситуацию" коммуникативного акта, - так, как это соответствовало бы импульсу, который Бурдьё выявляет в своей критике Остина. В поиске источников социальных условий эффективности ритуального дискурса, Бурдьё устанавливает - открывая "скрытую переменную, которая несомненно определяет различную тяжесть различных переменных" (Bourdieu, 1991. С.72) - что сила перформативных высказываний зависит от признанной власти высказывающего, т. е. от символического капитала группы, которая его делегировала и чьим уполномоченным представителем он является, и что это - институциональные акты (или акты институционализации - во французском языке этот термин имеет более широкое значение). Институциональные акты неотделимы от существования самой институции, определяющей условия, которые должны быть исполнены, "чтобы подействовала магия слов" (Bourdieu, 1991. Там же). Эта магия вытекает из «алхимии» представительства, посредством которой представитель создает группу, которая создает своего *вещателя*, облеченного полной властью говорить и действовать от имени группы, и прежде всего действовать на группу посредством магии лозунга. "Скрытой переменной" в этом случае оказывается целостный социальный контекст. Постоянно имея в виду этот контекст, Бурдьё не принимает ограниченность исследований Соссюра и Хомского, но подобную же ограниченность, хотя и в меньшей степени, он открывает и у Остина: признание права говорить и связанные с этим формы власти и авторитета, имплицитные во всех коммуникативных ситуациях, в общем случае игнорируются лингвистами, которые рассматривают языковой обмен как интеллектуальную операцию, состоящую из кодирования и декодирования посланий, составленных в соответствии с грамматикой. Возражая теории успешности Остина, Бурдьё устанавливает, что "всякое перформативное высказывание будет неуспешным всякий раз, когда оно не произносится лицом, имеющим "власть его произнести", или в более общем виде всегда, когда "конкретные лица и обстоятельства в данном случае" не являются "уместными для призывания конкретной призываемой процедуры": короче, всякий раз, когда у говорящего нет авторитета произнести слова, которые он произносит. Но, может быть, самое важное, что следует помнить, это то, что успех этих операций социаль-

ной магии - составленных из *актов авторитета*, или, что то же самое, из *уполномоченных (authorized) актов* - зависит от сочетания систематического набора взаимозависимых условий, которые конституируют социальные ритуалы" (Bourdieu, 1991. С.111). Поэтому, по Бурдьё, кризис, например, религиозного языка и его перформативной эффективности на самом деле является распадом целого универсума социальных отношений, составляющим которых был этот язык.

С точки зрения классической логики, анализ такого "систематического" набора условий ведет к установлению неразрешимых теоретическим путем алогизмов. Идеал Бурдьё, сформулированный им относительно подхода к противоречиям, которые логик-теоретик открыл бы в социальном пространстве, состоит в следующем: это "рефлексия, способная открыть в них как логику практического употребления временных оппозиций, <...> так и принцип преобразования, навязанного этой логике теоретической конструкцией" (Bourdieu, 1976). Признавая в практике логику, которая "не есть логика логики", он обращает внимание на эффекты теоретизации, закрывающей доступ к тем свойствам практической логики, которые "ускользают от теоретического схватывания, будучи конститутивными для самого этого схватывания". Бурдьё рассматривает эти свойства как негатив свойств теоретической логики, так как практическая логика, по его мнению, функционирует, "только позволяя себе все возможные вольности с самыми элементарными принципами логической логики". Если теория ищет разрешения проблем, которые практика не может себе поставить, то "характерное для практики состоит в том, что она исключает эти вопросы"; теоретик, склонный не замечать навязанное им самим изменение статуса практики и ее продуктов, требует от нее "больше логики, чем она может дать"; а вся экономия практической логики основывается на "*принципе* логической экономии" и жертвует (разумеется, с точки зрения теоретика; с практической точки зрения не жертвуют ничем) "строгостью" - т. е. теоретической строгостью - "в пользу простоты и всеобщности". Основа непоследиваемости и противоречий, которые теоретик увидел бы в практике, по Бурдьё, заключается в первую очередь в полисемии ("один и тот же символ может отсылать к реальностям, противоположным с точки зрения самой аксиоматики системы, или же в эту аксиоматику нужно включить факт, что система не исключает противоречия"). Условия же правильного употребления полисемии заключаются в политегичности - произведение и употребление значений осуществляется "не только одно после другого, но и одно за другим, шаг за шагом".

Обобщенно говоря, если теория несовпадения теории и практики Бурдьё дает ему право подозревать каждого, не обладающего такой теорией, во вменении теоретических конструкций исследуемым социальным агентам, он приветствует достижения Остина, который до такой степени стремится не вменять теоретические конструкты обыкновенному языку, что даже не называет свое исследование "практической логикой" или "социологией". Однако, теоретическая оснащенность Остина заставляет его воспринимать иллюкутивную силу коммуникативных актов как силу языковую и потому Бурдьё "устанавливает", что Остин как бы "делает не то, что он думает" (так же как выше оказалось, что Остин на самом деле проходит через "логическое" чувство недопустимости, чтобы достичь более частной «теории неуспешности»), и именно это задает Остину его ограничения: веря, что он развивает философию языка, он на самом деле разрабатывает теорию особенного класса символических

высказываний (выражений), в которых дискурс авторитета - это всего лишь парадигматическая форма, и чья специфическая эффективность происходит из факта, что эти высказывания как бы имеют в себе источник власти, которая на самом деле пребывает в институциональных условиях их производства и восприятия. "Настоящий источник магии перформативных высказываний, - говорит Бурдьё, - лежит в мистерии уполномочивания (ministry)" (Bourdieu, 1991. С.75).

Самого Бурдьё трудно представить как "делающего не то, что он думает", ибо в отличие от осторожного в самоопределении Остина он весьма ясно определяет предмет своего исследования. То, что он знает, что делает, является в свою очередь его ограничением: несмотря на интерес к практической логике, он сводит одну из ее ключевых проблем к частному случаю, а именно - представляет контекст коммуникативного акта, во-первых, исключительно как социальный контекст, и во-вторых, исключительно как контекст властных социальных отношений. Вопреки своему требованию иметь в виду несовпадение теории и практики в практической деятельности, в своей собственной теоретической практике Бурдьё, как и Остин, получает результаты, обремененные теоретической практикой, в которой это несовпадение не сохраняется. На основе этих результатов социоцентрически настроенный практический логик очень легко может дойти до утверждения, что логическая форма - всего лишь обобщенное выражение социальных и даже только властных отношений (через принятие редукционистских тезисов, таких как "все высказывания - императивы"). Здесь, разумеется, я имею в виду логика, который понимал бы основной недостаток традиционной формальной логики как науки: логик ex professo исследует эксплицированную логическую форму, тогда как логическая форма логики, в рамках которой мы мыслим, по самой своей сущности имплицитна (неразличение имплицитной и эксплицированной логических форм - также признак отсутствия теории несовпадения теории и практики). Упомянутую социоцентристскую ошибку можно и не совершить, если увидеть, что Бурдьё, отступая еще на одну ступень назад, стремится показать, каким образом заданы логические контексты у человека, о какой именно "взаимной релевантности" материальных терминов коммуникативных актов (у Гурвича - пропозиций) идет речь, в каком именно "горизонте возможных и эвентуальных следствий" (Гурвич, 1974. С.325) они даны.

Вместе с тем еще у Остина раскрывается возможность внесоциальных условий коммуникации (внутреннее состояние говорящего, астрономические факторы, такие как время и др.), которые, несомненно, заданы социальным контекстом, но констатация этого еще не исчерпывает всего ценного логики, что мы можем найти здесь - того, что в данном случае самый способ задания внесоциальных условий оказывается социальным, вытекает из факта, что дело идет не о каких-либо актах, а именно об актах коммуникативных. Именно это дает возможность Остину извлекать (в некоторой степени "не думая, что он делает это") логическую форму из логически неосознанной обыденной жизни. Здесь речь все еще идет только о логике, согласно которой говорят и действуют (и в этом смысле это тоже практическая логика), но все же *речь не идет о логике, согласно которой мыслят*. Эта логика определяется допредикатными очевидностями мышления: «У Гуссерля допредикатные очевидности - формы рецептивности, в противоположность "спонтанности акта предикатного суждения"; Шютц и Гурвич здесь вплотную следуют за своим учителем. Расширенное толкование проблемы допредикатных очевидностей - так, чтобы

они включали все условия возможности предикации - дает возможность открыть допредикатные очевидности самого мышления; открытие, которое свидетельствует, что в самой спонтанности акта предикатного суждения уже сняты (в не-гегелевском смысле) формы рецептивности» (Dejanov, 1990). Понятая таким образом, логика, согласно которой мыслят, несомненно, имеет свое выражение в коммуникативных актах - и известно, что результаты большинства совместных человеческих действий являются именно результатами коммуникативных актов (иначе было бы невозможно, чтобы логики мыслили в большой степени адекватно: высказывания, суждения, теории и мысли как объекты одного порядка - пропозиции). Но так же, как в прежней традиции логики была опасность психологизма, так и здесь существует опасность социологизма, если не понять логику социального действия как выражение всеобщих и общезначимых практико-логических (т. е. нерелегированных или неопределенных в виде теории) закономерностей. В исследовании коммуникативных актов, следовательно, есть множество аспектов - и вместо того чтобы полагать, что исследователи коммуникации, такие как Остин и Бурдьё, делают только "это", не давая себе отчета, что они делают и "то", нам придется обратиться к способу разделения этих аспектов в комплексном результате исследования, имея в виду логическую проблематику.

Непосредственная логическая проблема, с которой мы сталкиваемся, отмечая алогичность практической логики, - это проблема мозаичности логик, согласно которым мыслят в различных ситуациях. В этом плане единственный чисто логический результат, полученный помимо антропологических исследований, - это указание Бурдьё на вышеупомянутую политемичность. Логика, которую Бурдьё и Остин разрабатывают эксплицитно, есть логика атомарных социальных ситуаций, - например, ситуаций, в которых рождаются отдельные реплики разговора. "Целостную ситуацию, в которой производится высказывание", Остин все еще называет "целостным речевым актом", но Бурдьё доказывает, что эта ситуация - социальна. Коммуникативные акты являются атомарными социальными ситуациями, и исследование первых является частным случаем исследования вторых, - а возможно, но далеко не обязательно, что это одно и то же. То, что исследуют Остин и Бурдьё, есть присутствие, со-присутствие значащих факторов в атомарной ситуации: "успех этих операций социальной магии... зависит от сочетания систематического набора взаимозависимых условий, которые конституируют социальные ритуалы" (Bourdieu, 1991. С.111). «Успех» в данном случае - это характеристика, которая для Остина аналогична истинностному значению пропозиций в логике (может быть, здесь следует найти и соответствия с наличием смысла у предложения, составленного из определенных понятий). Сложные ситуации - это такие сочетания из атомарных ситуаций, которые делают более поздние ситуации зависимыми от более ранних по определенному параметру (см. (Петков, 1998)). Для того чтобы *умозаключать*, т. е. при данных посылках принимать эксплицитно следующий из них вывод, необходима силлогистическая дисциплина, аналогичная пропозициональной дисциплине, которая заставляет нас приписывать успешность или неуспешность определенному акту на основании присутствующих в атомарной ситуации факторов. Разговор сам по себе имеет свою «дисциплину», определяющую, кому когда говорить и т.д. Дисциплина разговора, заодно с дисциплиной совместного музицирования, является частным случаем "старения вместе" у Шютца. Наложение силлогистической дисциплины на дисциплину разговора - дело, например, Сократа.

Кроме пропозициональной и силлогической дисциплины, несомненно, существует дисциплина понятия и образа, видения А как В и самого видения А. В случае с социальными ситуациями мы можем, например, установить, что совершение таких ритуалов как инициация, выборы, резня - это ситуации, из которых следует восприятие некоего тела как принадлежащего новой личности (после инициации), некоего социального агента - партии или индивида - как имеющего определенный символический капитал (после выборов или резни). Таким образом, одна институтирующая ситуация влечет повторение этого институтирования в некоей последовательности из атомарных ситуаций. Этот процесс нуждается в дисциплине, аналогичной соблюдению в теоретической логике принятого тезиса или дефиниции во всем рассуждении.

В заключение я выскажу оптимистический тезис. Кроме того, что мы можем объяснить кажущиеся алогизмы практической логики отсутствием определенной и знакомой нам дисциплины (например, дисциплины точно определенного типа связи между двумя частями логической мозаики - двумя группами умозаключений, двумя ситуациями и т. д., - как Бурдьё устанавливает нарушения закона непротиворечия), - помимо этого мы можем определить ту дисциплину, которая на самом деле соблюдается в конкретном "старении вместе" (к этому Бурдьё приближается через описание конкретных оппозиций в традиции берберов Кабилии, не достигая, правда, эксплицирования логической формы данных оппозиций и используя термин "логика" скорее в метафорическом и негативном смысле). Парафразируя поправку Бурдьё к Остину, можем сделать заключение, что будущая логика молекулярных перформативных высказываний должна быть и логикой молекулярных (социальных) ситуаций.

Литература

- Остин Дж. Как с думи се вършат неща. София: ИК "Критика и хуманизъм", 1996.
- Петков Т. Практическата логика: Остин и Бурдьё. Доклад по проекту "Практическа логика - между теоретическими методами и лабораторным экспериментом" (НФНИ дог. 43/10.11.1997), зачитанный на конференции "Критика модерности - технологии и будущее" в Пловдиве, 26-31.10.1998 г.
- Bourdieu P. 'Practical Sense'. In: 'Actes de la Recherche en Sciences Sociales', 1976/1, p. 43-86
- Bourdieu P. Language and Symbolic Power, ed. and intr. by J. B. Thompson, transl. by G. Raymond and M. Adamson, Polity Press, 1991.
- Deyanov D. Transcendentalism and the Incommensurability Between Scientific Traditions, Critique & Humanism Quarterly, special issue "Phenomenology as a Dialogue", 1990.
- Gurwitch A. Phenomenology and the Theory of Science. Evanston: Northwestern University Press, 1974.
- Petkov T. 'Communicative Acts: Austin, Bourdieu and Practical Logic', in: P.-E. Mitev, ed., The Bulgarian Transition Challenges and Cognition, Sofia: Bulgarian Sociological Association, 1998.